

Владимир Анатольевич Ткаченко-Гильдебрандт,

военный историк, переводчик

ДЕНИ ДЕ РУЖМОН. КНИГА ВЕЛИЧИНОЙ В ЖИЗНЬ

Есть книги, которые становятся пророческими, поскольку со временем выясняется, что они были написаны в жанре так называемых воспоминаний о будущем, хотя всецело обращены в исследование прошлого. Иными словами, в отображаемых ими картинах средневековой или античной старины явственно проступают черты далекого будущего, уже наступившего для нас, людей XXI-го столетия. К числу таких книг принадлежит и эссе выдающегося швейцарского философа и общественного деятеля Дени де Ружмона (1906-1985) «Любовь и Западный мир». Можно сказать, что автор писал ее на протяжении всей своей активной творческой жизни, ведь ее первая редакция отмечена 1938 годом, а последняя уже 1972-м. Тем самым вокруг этого произведения, послужившего своеобразным контрапунктом, выстроилось все остальное литературно-философское наследие автора, значение которого в свете событий современности глобального масштаба сложно переоценить, и которое спустя десятилетия начинает приходить в Россию. Правда, стоит упомянуть, что отдельные главы из книги впервые публиковались в переводе на русский язык *Новым литературным обозрением* в 1998 году (№ 31, стр. 52-72), где название произведения подавалось как «Любовь и Запад». Но какое представление могло возникнуть у читателя по прочтении этого фрагмента, когда сама книга насчитывает более чем четыреста страниц? Согласитесь, что подобное литературное знакомство трудно назвать даже «шапочным»: у Дени де Ружмона все подчинено внутренней логике, и выемка отрывка – все равно что выделение одного параграфа из учебника, например, по химии. Иными словами, выдающееся произведение «Любовь и Западный мир» может восприниматься только в своей целостности.

Мы решили крайне уплотнить наше вступительное слово, чтобы набросать крупными мазками наиболее яркие стороны в жизни, творчестве и мировоззрении самого Дени де Ружмона, прежде чем предоставить русскоязычному читателю самому судить о произведении знаменитого швейцарца. Заранее оговорюсь: здесь я стану высказывать только свое субъективное мнения, выделяя размышления, на которые меня подтолкнула работа над книгой «Любовь и Западный мир».

НЕ ТОЛЬКО УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ЕРЕСЕОЛОГИЯ... ЕРЕСЬ КАК ВИРУС

В наше время бурного развития биотехнологий, генетических и биохимических исследований, а также переживаемой человечеством пандемии, нельзя не провести аналогию между вирусологией и теологией, как бы, на первый взгляд, это дико ни звучало. Исходя из подобной аналогии, можно сделать вывод о том, что единственным наиболее опасным и токсичным вирусом внутри христианства (восточного и западного) было и является именно манихейство: не секрет, что все наиболее значимые христианские ереси, в том числе павликианство, богомилство, катарство, а у нас молоканство, духоборчество и хлыстовство, имеют манихейское происхождение. Говоря медицинским языком, это разные штаммы одного и того же только что названного вируса в христианстве. На страницах своей книги, особенно касаясь распространения богомилства-катарства в Западной Европе в XI-XII столетия и дальнейших трагических событий Крестового похода против альбигойцев в XIII веке, Дени де Ружмон недвусмысленно дает понять, что в куртуазной поэзии, бретонских романах отражен именно межрелигиозный конфликт христианства с манихейством, расцвеченный в оттенках стремления или страсти к смерти со стороны катаров, воплощенных в последнем манихейском таинстве *эндюра*, которое реально и откровенно можно трактовать в качестве благословения на самоубийство, и положительным христианским мировоззрением как аскетическим, так и секулярным. Но вот что любопытно и что замечательно отразил Дени де Ружмон в своем произведении: манихейство действует изнутри христианства, то есть как и вирус – изнутри человеческого организма. Значит, речь идет все же не о религиозном конфликте? На наш взгляд, из концепции Ружмона можно сделать вывод о столкновении религии с анти-религией, коей и является манихейство, а к религиозному конфликту мы можем отнести столкновение христианства с исламом за обладание Святой Землей в ту пору. К сожалению, Дени де Ружмон не был знаком с оригинальной концепцией истории Льва Николаевича Гумилева, а то бы смог рассматривать манихейство в рамках химерической религиозности, поскольку Юг Франции приобретал под воздействием катарства в XII столетии свойства химерического квази-государства. Чтобы понять это, достаточно обратиться к объемной монографии русского ученого-медиевиста, социолога и профессора Казанского университета Николая Алексеевича Осокина (1843-1895) «История альбигойцев и их времени» (1869-1872). Она составлена на основании оригинальных средневековых документов и реестров Святой Инквизиции, исследованных автором во

французских архивах, а не на идеализированных повествованиях разного рода мистиков антикатолического толка, рассказах, имеющих весьма косвенное отношение к объективной исторической действительности. Характерная особенность: «катарское и гностическое возрождение», protagonистом которого по праву считается библиотекарь из Каркассона Жюль Дуанель (1842-1902), к слову, обратившийся в 1895 году к католицизму и издавший тогда же книгу о деятельности неокатарских гностических групп «Разоблаченный Люцифер», активно пошло в гору, начиная с 30-х гг. XX-го столетия и по сути продолжается до сих пор, совпадая по времени с чрезвычайно усиливающейся в последние десятилетия исламизацией Франции. Удивительно? Отнюдь. И к этому вопросу мы еще вернемся. Кстати, Римско-католическая церковь очень серьезно отнеслась к возникновению неокатарского движения в конце XIX-го века, а Святой Престол совершенно определенно осудил реконструкцию Дуанеля как проявление древней альбигойской ереси. Крайняя озабоченность Римской курии возникновением еретического очага на территории, некогда охваченной катарством, вполне понятно: манихейский прозелитизм всегда был направлен на христиан господствующих конфессий и деноминаций. Иными словами, без и вне христианства манихейство нигде практически не существовало. Его цель – в ослаблении и в желательном устранении институциональных начал христианства. Но подобно вирусу, убив и подорвав христианство, оно без него существовать больше не может. Начиная с восточных провинций Византийской империи, манихейство (в данном случае павликианство), само того не разумея, как бы расчищало пространство под новую уже нарождающуюся религию – ислам. Таковую же роль богомилство сыграло и в Боснии, когда его представители, сосредоточенные в основном в городских и привилегированных слоях боснийского общества, во время турецкого владычества, начиная с XV-го столетия, перешли в ислам, тогда как крестьянская масса страны оставалась до периода формирования Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) православной и римско-католической (собственно, это и есть боснийские сербы и хорваты вместе с бошняками-мусульманами, потомками богомилов). Последнее, кстати, поддерживает тезис Дени де Ружмона и отчасти Рене Нелли о весьма проявленной элитарности средневекового катарства Лангедока, отсылая к богомилству Боснии и Герцеговины, просуществовавшему, как нам представляется, до середины XVI-го столетия, пока его последние носители не слились с исламской уммой Османской империи.

Итак, отметим, что основой книги послужило знаменитое кельтско-ирландское повествование о естестве Страсти – сказание о Тристане и Изольде, переложенное на старофранцузский язык одним из англо-британских жонглёров около 1140 года, многие из которых, как выясняется, являлись носителями манихейской катарской ереси. Сам Дени де Ружмон рассматривал легенду о Тристане и Изольде в качестве архетипа «великого европейского мифа о прелюбодеянии», легшего в основу всей Западной цивилизации (о его потрясающих аллюзиях в этом плане и до конца не высказанных выводах мы еще переговорим ниже). Налицо откровенная типология явлений: катарская ересь равно оказалась плодом адюльтера Европы в отношении Римско-католической церкви; и нынешние красноречивые признаки декаданса коллективного Запада уходят своими корнями именно в эту эпоху. Интересно, что сам Дени де Ружмон – сын реформатского пастора, представителя кальвинистского религиозного учения, победившего католицизм и пришедшего на смену катарской ереси.

Спустя сорок восемь лет после выхода в свет окончательной редакции книги, мы видим, что перед нами не только увлекательная ересология, но и историческая антиутопия, в которой трагическая судьба Тристана и Изольды перестает быть отдаленным во времени символом, прорастая в нашу эпоху через многие века.

ГЕНЕАЛОГИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СТРАСТИ КАК ЕРЕСИ

Согласно Дени де Ружмону, европейский исторический процесс всегда выстраивался на сопряжении антиномий в их равновесии для стабильного и поступательного развития. Если одна из антиномий преобладает, то происходит общественно-политическое смятение или взрыв, последствием чего является хаос, в итоге ведущий как к ослаблению общественных связей в государстве, так и, наоборот, к их гипертрофированному натяжению. Пример: из хаоса Веймарской республики родилась гитлеровская Германия... Подобных примеров сколько угодно. В такой парадигме философии истории все развивается по схеме: равновесие, преобладание, хаос и новая реальность.

Пожалуй, первым из европейских интеллектуалов Дени де Ружмон под антиномией Любви и Страсти вскрывает религиозную борьбу между христианством и манихейством (катарством), где первому соответствует Любовь (Агапе), тогда как второму – Страсть (Эрос). Отсюда и замечательная аналогия Страсти с ночью, а Любви с ясным днем. Но беда в том, что книга выдающегося швейцарца поэтическая, и автор абсолютно не

замечает, когда, будучи охваченным вдохновением, оказывается на стороне именно Страсти, которую изначально намеревался разоблачать и вскрывать опасности увлечения ею. В этом смысле XII-е столетие во Франции представлялось переломным: европейская Страсть, дремавшая почти половину тысячелетия под спудом христианской Любви и католического христианства, наконец-то вырвалась наружу благодаря быстро распространяющейся восточной ереси манихейства, уже несколько подзабытой со времен Блаженного Августина и других святых отцов-апологетов первенствующей христианской Церкви. Стоит отметить, что ересь эта на протяжении столетий успешно мимикрировала, оказавшись в определенной местности и среди определенного народа. Именно об этом говорит в своем *Неокончателном научно-полемиическом постскрипуме*, в разделе *Об изобретении любви в XII-м столетии*, Дени де Ружмон, когда Страсть, облекшись в одеяния Любви, напрямую попыталась установить свое господство над молодой в ту пору Европой посредством столетия гонимой, но внезапно сильно закрепившейся на западе континента ереси. Вот почему, по логике того же Дени де Ружмона,

катарскую церковь Любви следует называть... «церковью» Страсти, о чем автор открыто не объявляет, но что довольно определенно предполагает и подразумевает. Впрочем, за подобными оговорками Дени де Ружмона идут оправдания катарства и отсылка к его аскетической сущности. А разве Страсть не может быть аскетичной. Ведь именно о своеобразной «аскезе» Страсти нам рассказывают роман Тристан и Изольда, произведения трубадуров, а Готфрид Страсбургский даже описывает еретическое святилище, посвященное Страсти, о чем недвусмысленно дает понять Дени де Ружмон.

Но поскольку очевидно, что автор составляет свое сочинение под влиянием некоторых озарений, не всегда очевидного характера, постольку тональность «Любви и Западного мира» сугубо поэтическая, и отсюда Страсть играет с исследовательским дарованием Дени де Ружмона злую шутку: она его завораживает, позволяя раскрыть о себе отдельные тайны, способные объяснить важные моменты в истории цивилизации и духовной культуры Европы. Однако вспышки откровений подобной природы, появляясь, быстро исчезают, а искусственно и с усилием поддерживая их напряжение, автор распыляется на большое число интересных подробностей, свидетельствующих о его эрудиции и вовлеченности в проблему, но не разрешающих кардинально поставленные ей вопросы. Но почему так случилось? Мы уже ответили на это: искренне желая разоблачить одну из фатальных тайн европейской истории, укорененную в ереси или в анти-

религии, как мы уже определяли, Дени де Ружмон невольно оказывается на стороне Страсти и, следовательно, ереси: он буквально захвачен еретической эстетикой, богатым образным рядом и загадочными смыслами, скрывающими ясно выявленное им стремление – к Ночи, Хаосу и Смерти. Иными словами, изобретение «любви» в Европе в XII-м столетии ознаменовало для него начало европейского Апокалипсиса. Уже в этом событии автор обнаружил трансформацию западного христианства, отравленного еретическим ядом, привнесенным с Востока. Собственно, под мощным влиянием катарской ереси произошло возрождение языческого Эроса, который с тех пор ярко отразится на мистике и аскетическом опыте западных святых. С данного периода и наступает отсчет генеалогии европейской страсти, последствия которой трудно переоценить.

«КРЕСТОНОСЦЫ ОТ ЕРЕСИ». ОТ ЭРОТИКИ ТРУБАДУРОВ К «ПРЕЛЕСТИ» РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ МИСТИКОВ

В бессознательном порыве воодушевления встав на сторону описываемой Страсти, Дени де Ружмон перестает делать выводы, и его замечательное повествование влечет за собой череду не менее замечательных недомолвок. По существу, именно незримая нить недомолвок поддерживает канву произведения, всякий раз оказывающуюся на месте авторского заключения и требующую раскрытия со стороны искушенного читателя. Если бы не было этой незримой связи, обеспеченной поэтическим вдохновением, то текст превратился бы в собрание очерков, написанных на определенную тематику, коими и являются как *Приложения*, так и *Неокончателный научно-полемический постскрипtum* Дени де Ружмона. Что касается последнего, то он составлен спустя десятилетия и не имеет непосредственного отношения к вдохновению, вследствие которого и возникла книга «Любовь и Западный мир». Так что выполняет роль дополнения, стремящегося обратить внимание читателя на отдельные важные, а часто и второстепенные моменты содержания, но в итоге лишь отягощают текст, не ведя к лучшему разумению проблематики. А потому некоторые звенья подразумеваемой автором логической цепи нам должно восстановить самостоятельно. Итак, приступим к этому делу.

Мы видим достаточно осторожное и даже иногда настороженное отношение Дени де Ружмона к католическим мистикам Средневековья. Оно и понятно: автор – протестант, тем паче из знаменитой пасторской фамилии швейцарского кантона Невшатель. Но что он выражает в своей недомолвке? Мы видим здесь следующее: наличие преемственности между катарством (в

том числе и трубадурами) и римско-католическим церковным мистицизмом эротического характера. Но откуда появился откровенный эротизм в римско-католической церкви того и более поздних времен. Во-первых, по западной церкви был нанесен сильный удар манихейской ересью в XII-XIII столетиях; во-вторых, после свирепого по своей сути Альбигойского Крестового похода, казни катарских посвященных и сожжении на костре последних защитников Монсегюра, катарская масса Юга Франции само по себе никуда не делась. Многие бывшие катары, постепенно возвращавшиеся в лоно Римско-католической церкви, должны были нести епитимии, становясь тем самым так называемыми «Крестоносцами от ереси» с обязательным ношением на своих одеждах желтого креста. Так Церковь ассимилировала манихеев, а они привнесли в нее ту опасную струю мистицизма, которая ей доселе была почти неизвестна. Это страстное поклонение Иисусу Христу, переходящее в откровенный эротизм. С последним связан и культ мертвого Христа, распространенный в Испании и на Юге Франции, поскольку нам известно, что цель всякой страсти – смерть. Дени де Ружмон предполагает, что яд манихейства оказался преодоленным на церковном уровне в мистическом эротизме католических мистиков. Нам же представляется, что он продолжает оказывать свое разрушительное воздействие, возможно, ныне сильно приглушенное внутри Западной Церкви.

Вот почему, мягко используя аллюзию, Дени де Ружмон подводит нас к заключению о крипто-манихейском происхождении учений великих мистиков Запада – Мейстера Экхарта, Рёйсбрука Удивительного, бегинки Хейдевейх Антверпенской (Брабантской), Генриха Сузо и, несомненно, Святого Франциска Ассизского. Впрочем, на патаренское начало францисканства и его различных многочисленных ответвлений неоднократно указывали отечественные и зарубежные исследователи. Отсюда получается, что эротизм связанных с катарами трубадуров, рассматриваемый в замечательном произведении Рене Нелли *Эротика трубадуров* (1963 год), по мере того как усиливались гонения на манихейскую ересь, постепенно и в результате вышеуказанной ассимиляции катарского населения Юга Франции и других стран перетекал в Римско-католическую церковь, обретая в ней новый сосуд для своего существования, которое затем благополучно и продолжилось в рамках как францисканства, так и других римско-католических орденов мистическо-созерцательной направленности. Иными словами, катарская аскеза Страсти была сохранена, дав рождение западно-христианскому «преlestному» мистицизму, столь порицаемому святыми отцами Православной Церкви.

Таким образом, XII-XIII-е столетия являются водоразделом между «прежним» католицизмом, почти тождественным в своей аскетической практике с Восточной Церковью, и «новым» католицизмом, взошедшем в это время, как выясняется, на закваске обоих близких между собой ересей: катарства и трубадууров, имевших в своей основе манихейство. Сюда, конечно, стоит прибавить распространившийся в Средневековье из арабских государств Аль-Андалуза (Пиренейского полуострова) благодаря философу Аверроэсу (Ибн Рушду) аристотелизм, легший в основу римско-католической схоластики. Именно в различии богословий Западной Церкви с опорой на аристотелизм и схоластику, и Восточной Церкви, сопряженной в теологическом плане с платонизмом, и кроется, по мнению великого греко-византийского гуманиста Георгия Гемиста Плифона (1355-1452), неудача окончательного объединения Западной и Восточной Церквей на Ферраро-Флорентийском соборе в 1437-1439 гг., хотя все юридические формальности церковной унии были строго соблюдены. Вместе с отцами Восточной Церкви Георгий Гемист Плифон считал, что Аристотель искажил философию Платона, что в конечном итоге и отразилось на западной схоластике. Свои взгляды Плифон изложил в небольшом трактате «О проблемах, по которым Аристотель расходится с Платоном», доказывая в нем, что учение Аристотеля ложно и полно противоречий. То есть в XV-м столетии Георгием Гемистом Плифоном, наряду со святителем Марком Эфесским и другими греческими отцами, аристотелизм вполне рассматривался в качестве ереси вместе с манихейством и его разнообразными формами, пусть даже в виде римско-католических орденов. Учитывая, что аристотелизм был заимствован Западной Церковью от арабов, то его тоже можно расценивать в качестве особой «восточной» ереси, наравне с манихейством пагубно повлиявшей на западную мистику и теологию.

Дени де Ружмон совершенно справедливо отмечает, что великий отец и молитвенник Западной Церкви Святой Бернард Клервоский в XII-м столетии сопротивлялся нововведениям и праздникам, которые вынуждало принимать Церковь катарское окружение, в то время уже многочисленное на Юге Франции, и против которого святитель предпринимал миссионерские поездки, в целом не увенчавшиеся успехом. Здесь следует добавить, что мистические и теологические сочинения Бернарда Клервоского выдержаны в спокойном духе аскетических наставников древней церкви: в них отсутствует эротизм и чувственность, столь присущие более поздним и вышеуказанным католическим мистикам. Так что Бернард Клервоский поистине один из последних столпов «прежнего» католицизма.

Итак, Дени де Ружмон, являясь протестантом, а потому отстраненным и независимым лицом, интеллектуально разбивает на составные части содержание «нового» католицизма, пронизанное крипто-манихейским этосом – по форме ортодоксальным, а по существу катарским; тогда же образуются и два практических полюса римско-католического мировоззрения, оформившиеся в сухой Аристотелевой схоластике Святого Фомы Аквинского и его последователей, и в своеобразной аскезе римско-католических мужских и женских монашеских орденов, в том числе францисканского извода, характеризующейся экстатическими состояниями, видениями, нередко связанными с расшатанной психикой монашествующих и их измененным под воздействием разных причин сознанием, – одним словом всем тем, что православная доктрина рассматривает как «прелесть», прельщение или обольщение инока или инокини злыми духами, принимающими образ ангела света. Отсюда гипертрофированный и даже в отдельных случаях непристойный эротизм видений: и нам понятно, что подобным образом действует под покровом римско-католического монастыря древняя манихейско-катарская Страсть. Катарства уже давно не существует, но потомки «Крестоносцев от ереси» заполняют римско-католические ордена, и мы наблюдаем феномен той же самой Страсти, действующей уже изнутри Римской Церкви. Значит, религиозная борьба манихейства и христианства продолжается, и «прелестный» манихейский католицизм снова часто в ней одерживает победу. Но мы знаем, что психические недуги столь же заразительны, сколь и телесные. И вот уже эстафету духовного катарства подхватывают испанские мистики – Тереза Авильская (1515-1582) и Иоанн Креста (1542-1591). Кстати, Святую Терезу Авильскую часто изображают с белым голубем, некогда бывшим символом катарской Церкви «Любви» (а как мы выяснили, Страсти). Совпадение или все-таки знак некоей тайной преемственности? Впрочем, сильно увлекавшийся творчеством обоих римско-католических святых выдающийся русский писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский в своем сочинении «Испанские мистики» очень точно резюмировал яркоокрашенную эротичность их произведений, что сам автор, приверженный идеалам широкого христианского экуменизма, расценивал с положительной стороны и совсем не заметил в них мертвенного свечения манихейской Страсти. Несомненно, любовь Терезы и Иоанна Креста ко Христу – это старинная аскетическая Страсть «совершенных» Лангедока, воскрешенная под сенью кармелитского ордена. Итак, драма манихейского «прельщения» Страстью христианства продолжается и, следовательно, не прекращается религиозная

война христианства с сопутствующей себе формой анти-религии – манихейством.

На первый взгляд, французский публицист и религиовед XIX-го столетия справедливо обозначил, что манихейская ересь, в течение тысячелетия терзавшая Христианскую Церковь сошла на «нет» к XVI-му столетию, то есть к моменту появления реформационного движения и возникновения протестантских деноминаций. Тем самым Проспер Миньяр заключает, что манихейство обрело себе «рабочее тело» в протестантизме, растворившись в нем. Проспер Миньяр являлся католиком, а потому склонным во всем обвинять протестантов. Но его суждение уже не кажется несомненным, если учесть, что ассимилированное манихейство уже прекрасно себя чувствовало в рамках монашеских орденов францисканского извода и других духовных конгрегаций. В них Страсть уже обрела себе устойчивый приют, и в этом смысле всякая необходимость для нее в протестантизме отсутствовала. Другое дело, что протестантизм пробудил свои дремлющие манихейские потенции, которые выплеснулись в ужасы анабаптистского движения. Вместе с тем, сам протестантизм с его призывом к возвращению в Церкви простоты апостольских времен уже оказывался сокрушительным ударом по Страсти: ее воздействие теперь ограничивалось только римско-католическими странами, а победное шествие «нового» католицизма в Европе и мире прекратилось. Однако, оставив себе плацдарм в религиозных орденах мистического и созерцательного характера, Страсть устремилась уже по светским каналам завоевывать христианское общество посредством литературы и искусства, что блестяще отражено в книге «Любовь и Западный мир». Сын протестантского пастора Дени де Ружмон как бы ухватил за хвост это движение необузданной страсти, доведя его до нашего времени: между строк и в подтексте его произведения мы интуитивно ощущаем, что он вновь опьянен воздействием пластичного страстного феномена и охвачен его воодушевлением, либо его опять посещает протестантская трезвость, позволяющая правильно расставить акценты по содержанию и сделать важные аллюзии, используя которые, мы приходим к соответствующим выводам.

РОМАН, РОМАНС, РОМАНИКА И РОМАНТИКА

Нам необходимо уяснить, что Дени де Ружмон рассматривает миф о Тристане и Изольде, как основополагающее сказание Страсти, не просто в его развитии, но в своеобразном круговороте – достижении пика с последующим нисхождением. Если, согласившись с автором, принять за

самое большое восхождение мифа время от XII-го по XIII-е столетия, то дальнейшая эпоха окажется периодом его инволюции, если угодно энтропии, постепенного угасания, правда, чреватого разного рода неожиданностями или даже пароксизмами в области культуры, литературы и искусства. Сама по себе энтропия предполагает профанацию и десакрализацию священного сюжета, и он, искажаясь и вырождаясь вплоть до комиксов, становится неперменным фактом цивилизации. Именно об этом и повествует книга Дени де Ружмона «Любовь и Западный мир».

Ныне литературный жанр *романа* столь же непреложный факт нашей европейской христианской цивилизации, сколь и космический корабль или телевидение, каким бы оно ни было. Но кто из нас может представить, что роман нехристианского происхождения, хотя появился в христианской стране и в уже пресловутом XII-м столетии. Дело в том, что произведения в этом жанре писались изначально писались на романском языке (старофранцузское слово *romaniz* от позднелатинского *romanice* – на романском языке). Собственно, романский язык в ту пору был в ходу в Провансе и на Юге Франции и служил для катаров и трубадуров своего рода литургическим языком, являясь предшествующей формой провансальского языка. Французский драматург и филолог, член французской академии Франсуа Жюст Мари Ренуар (1761-1836), исследовавший творчество трубадуров, считал романский язык основой современного французского, но его гипотеза не вызвала поддержки со стороны французских ученых и эрудитов. Но Ренуар (Райнуар) естественно видел в трубадурах правоверных католиков, вряд ли связанных с манихейско-катарской ересью. Сюда же должно отнести и песенный жанр *романса*, короткий музыкальный вариант романа как повествования о Страсти, используемый бродячими жонглерами, вагантами и цыганами для своих выступлений (*романсеро* – по-испански сборник романсов, песенник).

Теперь несколько слов о происхождении термина *романтизм*. В обратном переводе на латынь роман назывался *liber romanticus*, откуда в европейских языках и взялось прилагательное «романтический»: до конца XVIII-го столетия оно означало «присущий романам», а немногим позднее дало название романтизму как литературному направлению. Вот почему, во избежание путаницы и для обозначения того, что относится к средневековым, ренессансным и предромантическим романам, мы ввели понятие романический и обобщающий их концепт – Романика.

Итак, роман, во времена господства Римско-католической церкви являясь зашифрованным повествованием о манихейской Страсти и ее аскезе, разносимым бродячими еретиками, в последующие времена профанировался,

послужив прямым каналом для воздействия Страсти на образованные сословия ренессансной и пост-ренессансной эпохи.

Что же касается романтизма, то Дени де Ружмон считает его отголоском, если угодно, отражением через века литературы и искусства XII-XIII-го столетий, связанного с катарами и трубадурами. Конечно, в определенном смысле романтизм есть восстановление прав прежней манихейской Страсти, но уже в смягченном трансформированном виде. Но если катарство и трубадуры являлись полноценным религиозным движением, хотя подчас и скрываемым в недрах официального христианства, то романтизм, смутно помня свое происхождение, лишь притянул на квази-религиозность. В этой связи интересно то, что немецкие романтики не просто интересовались и увлекались католицизмом, но и переходили в римско-католическое исповедание. Очевидно, что романтизму было тесно в рамках евангелическо-лютеранского пиетизма. Романтиков не просто тянуло к более универсальной церковной организации: скорее всего, они по наитию ощущали связь с такими католическими организациями, как францисканский орден, произошедший по сути от патаренов, духовность которого неоднократно рассматривалась исследователями в качестве мистического пантеизма, что сродни романтическому мировоззрению. Но романтизм ушел, став провозвестником социально-политических потрясений Европы в первой половине XIX-го столетия. Страсть и Ночь ярко проявили себя в нем, перейдя затем в иные формы литературы и искусства...

Итак, Дени де Ружмон рассматривает всю историю Западного мира сквозь призму деградации и профанации древнего мифа (то есть его инволюции), вместилища гностической манихейской Страсти, создавшей в итоге, как мы представляем, фабричный гений Голливуда и феномен массовой культуры, пришедшей к нам уже из Америки (в течение столетий Североамериканские штаты были пристанищем многих сект манихейско-дуалистического характера, что не могло ни сказаться на менталитете и психологии американцев). Излишне говорить об оккультном манихейском содержании сериала «Темный рыцарь», снимавшегося в том числе и в Трамп-тауэр на 5-м авеню в Нью-Йорке. В подобной картине мира сложно говорить о прогрессе и развитии, поскольку инволюция мифа (его дробление) по Ружмону, что и создает массовую культуру, вполне укладывается в «царство количества» Рене Генона. Но в данной ситуации Страсть не утрачивает своего влияния и силы, ведь фрагментация мифа не ведет к умалению ее содержания, которое образует в каждой клетке, распадающегося сосуда мифа, одинаковое напряжение, соответствующее силе любого участка ее энергетического поля. Ее может уравновесить, согласно Дени де Ружмону, только сопряжение с

Любовью-Агапе, но в условиях давно идущей десакрализации и секуляризации обществ и государств на Западе последнее представляется если не невозможным, то во всяком случае очень проблематичным. Иногда, как считает выдающийся швейцарец, господствующая или сокровенная духовность, литература, искусство и культура дают больше для понимания и объяснения истории, нежели внешние общественно-политические и экономические события.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ДЕНИ ДЕ РУЖМОНА КАК ОДНОГО ИЗ СОЗДАТЕЛЕЙ ИНСТИТУТОВ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОСОЮЗА

Дени де Ружмон родился 8 сентября 1906 года в Куве в Невшателе, протестантском франкоязычном кантоне Швейцарии, в семье пастора Жоржа де Ружмона. Семья де Ружмон происходила из Сент-Обена, предместья Невшателя. В 1784 году она получила «признание древнего дворянства» от короля Пруссии Фридриха II-го, когда Невшатель входил в Прусскую монархию на правах княжества). Представители семейства де Ружмон неоднократно входили в состав Государственного Совета Невшателя.

Вместе со своими двумя сестрами и братом Дени де Ружмон воспитывался и рос в буржуазном доме своих родителей в Арёзе, небольшой деревушке, расположенной между Будри и Невшателем. С 1912 по 1916 гг. он учился в начальной школе в Куве. Этот опыт вдохновит его позднее на написание памфлета *Вред народного просвещения* (1929 год) об антиобразовательной роли школы. С 1918 по 1925 гг. он посещает Латинский коллеж, а затем учится в научной секции гимназии (коллеже) в Невшателе. В 1923 году она пишет первую статью «Анри де Монтерлан и мораль футбола», опубликованной в *Литературной неделе (La Semaine littéraire)*. С 1925 по 1927 гг. он проходил обучение на филологическом факультете университета в Невшателе; кроме того, посещал курсы психологии и семинар Жана Пьяже по генетической гносеологии и курс Макса Нидерманна по лингвистике Фердинанда де Соссюра. Он входит в Общество изящной словесности, активным членом которого является в том числе и благодаря своим публикациям в журнале *Изящная словесность*. В 1926-1929 гг. он путешествует по Европе, побывав в Вене, в Венгрии, Швабии, Восточной Пруссии, Баден-Вюртемберге и на озере Гарда (свои странствия он описывает в произведении *Дунайский крестьянин –*

Le Paysan du Danube). В 1930 году он заканчивает свое обучение, получив степень бакалавра искусств. В том же году он обосновался в Париже, где становится литературным редактором издательства «Я служу...» (которое

публикует Сёрена Кьеркегора, Карла Барта, Николая Бердяева, Ортегу и Гассета...). Принадлежа к нонконформистскому движению 30-х гг. XX-го столетия, он встречается и сотрудничает с такими интеллектуалами, как Габриэль Марсель, Эммануэль Мунье, Александр Марк, Арно Дандьё, Робер Арон и др. В 1932 году он принимает участие во встрече во Франкфурте-на-Майне групп молодых европейских революционеров, а затем в выпуске там же двух журналов философов-персоналистов – *Дух* (совместно с Эммануэлем Мунье и Жоржем Изаром) и *Новый порядок* (совместно с Робером Ароном, Арно Дандьё и Александром Марком). Он также сотрудничает с журналом Планы и является соучредителем журнала *Hic et Nunc* (*Здесь и сейчас* – направления Карла Барта) вместе с Анри Корбенем, Рожером Жезекелем (Роже Брёем), Роланом де Пюри и Альбером-Мари Шмидтом. Стоит упомянуть, что он поддерживает плодотворное сотрудничество с *Новым французским обозрением* (*Nouvelle Revue française*), где представляет в 1932 году «*Тетрадь требований французской молодежи*». В 1933 году Дени де Ружмон женится на Симоне Вион, с которой разведется в 1951 году и больше уже никогда не сочетается узами брака. От союза с ней у него родятся двое детей: Николя и Мартина (Martine), ставшая историком франко-швейцарского театра XVIII-го столетия.

Тогда же, в 1933 году, обанкротилось издательство «Я служу...», и Дени де Ружмон оказывается безработным, хотя рассматривает этот период своей жизни как очень благоприятный, поскольку он пробудил в нем размышления по разным проблемам. В течение двух последующих лет, прожитых как бы во внутреннем изгнании на острове Ре, Дени де Ружмон пишет «Дневник безработного интеллектуала», опубликованный в 1937 году. В 1934 году он издает *Политику личности*, а в 1935 переводит на французский язык первый том христианской догматики Карла Барта. До 1936 года он – лектор в университете Франкфурта-на-Майне и главный редактор «Новых тетрадей». В 1936 году он публикует произведение *Мышление при помощи рук*, а затем эссе *Физиономическое мировоззрение*. С марта по июнь 1938 года Дени де Ружмон занят написанием своего главного сочинения – *Любовь и Западный мир*, вокруг которого строится теперь все его творчество. В октябре того же года он издает *Немецкий дневник*, книжку о Николае де Флю (Niklaus von Flüe, 1417-1487), римско-католическом аскете, ныне святом покровителе Швейцарии, ораторию Артура Хонеггера. Вплоть до начала Второй мировой войны он публикует много своих статей, обзоров и рецензий в периодических изданиях: *Дух*, *Новый порядок*, *Новое французское обозрение*, *Парижском журнале* и хрониках *Фигаро*.

В сентябре 1939 года Дени де Ружмон был мобилизован в Вооруженные Силы Швейцарской конфедерации. Он являлся соучредителем группы антифашистского сопротивления Лига Готарда и составителем манифеста «Что такое Лига Готарда?». При вступлении немцев в Париж он пишет полемическую статью в *Лозаннской газете* «В тот час, когда Париж...», стоившей ему пятнадцати дней заключения в военной тюрьме за оскорбление лидера иностранной державы и в результате давления на власти Швейцарии немецко-фашистского правительства, хотя этот срок он фактически проводит под домашним арестом. В августе 1940 года Дени де Ружмон, получив дипломатический паспорт, уезжает в США, чтобы читать там лекции о Швейцарии. Он поселяется рядом с Нью-Йорком в октябре того же года. Подружившись в Америке с Антуаном де Сент-Экзюпери, он становится одним из образов для его Маленького Принца. Антуан де Сент-Экзюпери просит позировать в гостиной Дени де Ружмона, чтобы ему набросать рисунки к своему будущему произведению. После написания на английском языке книги *The Heart of Europe: Switzerland (Сердце Европы: Швейцария)*, он участвует в создании в Карнеги-Холле оратории Николя де Флю. С июля по ноябрь 1941 года Дени де Ружмон путешествует по Аргентине и входит в литературный круг «*Sur*» замечательной писательницы Виктории Окампо (1890-1979), у которой он гостит, издававшей с 1931 года при поддержке Хосе Ортеги-и-Гассета одноименный литературный журнал (1890-1979). Здесь он проводит несколько читательских конференций и публикует на испанском языке свою книгу о Швейцарии. Накануне атаки на Перл-Харбор Дени де Ружмон возвращается в Нью-Йорк. Начиная с 1942 года, он – преподаватель в Свободной школе высших исследований (французский университет в изгнании), затем редактор в Службе военной информации (Office of War Information) и сотрудник передачи «Голос Америки говорит с французами». Тогда в течение пяти недель он пишет сочинение Доля Дьявола, которое выйдет в свет в конце 1942 года. В Америке он проводит встречи не только с Сен-Жон Персом, Сент-Экзюпери, Марселем Дюшаном, Андре Бретоном, Максом Эрнстом, Андре Массоном, Богуславом Мартину и Эдгаром Варезом, но и с Р. Нибуrom, Д. Мак Дональдом и графом Куденхове-Калерги, с кем уже познакомился в Вене в 1927 году во время своих первых поездок по Европе. Тогда он ему предложил издавать его обозрение «Пан-Европа» на «правильном французском языке». Потрясенный чудовищной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки, Дени де Ружмон опубликовал в Нью-Йорке Письма об атомной бомбе, иллюстрированные чилийским художником-сюрреалистом Роберто Маттой. В апреле того же года он вернулся в Европу и 8 сентября 1946 года он опубликовал свою

первую речь о Союзе Европы. Возвратившись обратно в Соединенные Штаты Америки, Дени де Ружмон провел 8 дней в заключении в тюрьме на острове Эллис по до сих пор невыясненным причинам. В 1947 году он встречается с Альбертом Эйнштейном в Принстоне и обсуждает с ним проблемы Европейского Союза. В июле того же года он окончательно приехал в Европу, поселившись в Ферней-Вольтере в «Лесном доме», бывшем фермерском доме, находившемся в ведении замка Ферней и занятом до войны его другом губернатором Паульдингом (1896-1965).

Являясь приверженцем европейского единства, Дени де Ружмон в конце августа 1947 года выступил с инаугурационной речью на первом конгрессе Европейского союза федералистов в Монтрё (от него произошел Гаагский конгресс) и продвигал Европейский культурный центр, директором которого он впоследствии и стал. В мае 1948 года на заключительном заседании Гаагского конгресса, проходившего под председательством Уинстона Черчилля, Дени де Ружмон зачитал Послание европейцам, составленное им для прояснения смысла манифестации. Затем он пишет и издает произведения *Европа на кону* и *Невшательское продолжение*. В ноябре этого же года Дени де Ружмон избран одним из главных делегатов Европейского союза федералистов. В 1949 году Дени де Ружмон открывает в Женеве под эгидой Европейского движения исследовательский центр по подготовке Европейской конференции по культуре, которая прошла в Лозанне с 8 по 11 декабря под руководством Сальвадора де Мадарьяги. Дени де Ружмон был на ней главным докладчиком. В 1950 году он принимает участие в собрании интеллектуалов в Берлине, учредившем Конгресс за свободу культуры, исполнительный комитет которого он возглавлял до 1966 года. Он пишет и распространяет на консультативной ассамблее Совета Европы письма, обращенные европейским депутатам, и составляет Воззвание, зачитанное от 6000 европейских студентов, проводящих манифестацию перед Советом Европы. Он руководит созданием Европейского культурного центра, откуда произойдут многие европейские учреждения, в том числе не только Европейская ассоциация музыкальных фестивалей, но и ЦЕРН. В 1963 году он удостоился премию князя Монако и в том же году основал Институт европейских исследований (IUEE), ассоциированный с Женевским университетом, коим он руководил до своей отставки в 1978 году, и где даже в год своей смерти он преподавал историю европейских идей и федерализма. В 1967 году он получает премию города Женевы. В 1969 году делает заявление, что «лица, отказавшиеся от военной службы по соображениям совести, должны нести альтернативную гражданскую службу». 17 апреля 1970 года Боннский университет награждает его медалью Роберта Шумана за

все его творчество, в частности, за произведения Двадцать восемь столетий Европы и Возможности Европы, и за его руководство Европейским культурным центром. В 1971 году Дени де Ружмон номинирован доктором honoris causa юридического факультета университета Цюриха. В 1970-е гг. он способствует развитию экологического движения: он – один из основателей Беллеривской группы, аналитического органа по вопросам политики индустриального общества, и автор новаторских сочинений о ядерной опасности; в том же году выходит *Грядущее – наше дело*, одно из основных произведений, посвященных вопросам экологической проблематики регионального характера; вместе с философом, социологом и христианским анархистом Жаком Эллюлем (1912-1994) он создает группу Есогора. 11 ноября 1976 года ему вручен диплом Афинской академии. В 1978 году он учреждает журнал *Cadmos*, орган Европейского культурного центра и Института европейских исследований (IUEE). В 1981 году Дени де Ружмон номинирован доктором honoris causa Университета Голуэя в Ирландии. В 1982 году он получил Гран-При швейцарского фонда Шиллера. Дени де Ружмон умер в Женеве 6 декабря 1985 года и в качестве лауреата премии города Женевы был похоронен на кладбище Королей в Плэнпале. Память о философе, писателе, публицисте и создателе европейских институтов Дени де Ружмоне увековечена в его родной Швейцарии: лицей в Невшателе носит его имя, в Женеве в квартале Пти-Саконне (Petit-Saconnex) одна из улиц, находящаяся вблизи с европейской штаб-квартирой Организации Объединенных Наций, названа в честь выдающегося уроженца кантона Невшатель. Кроме того, по Швейцарии ходит поезд RABDe 500 013-8 «Дени де Ружмон», принадлежащий ведомству Федеральных железных дорог Швейцарии.

НЕЗАВЕРШЕННАЯ КНИГА

Когда читатель, поглотив сотни страниц интереснейшего и насыщенного сведениями текста книги Дени де Ружмона «Любовь и Западный мир», наконец, достигает его последних страниц, то у него создается впечатление, будто вот-вот автор раскроет нечто, что держало его в напряжении столько времени, на протяжении которого автор нам обещает откровение, подразумевая его то завуалированно, то напрямую. Однако чуда не происходит, и Дени де Ружмон отсылает нас к трем стадиям развития духовной жизни личности по Кьеркегору: эстетической, этической и моральной. Нам понятно, что Кьеркегор близок протестантскому духу Дени де Ружмона, но возникает вопрос: а причем здесь проблема, глобально и

мастерски отображаемая автором на предыдущих страницах книги. Да и написанный несколько десятилетий спустя постскрипtum к «Любви и Западному миру», на наш взгляд, не столько вносит ясность, сколько усложняет поставленную ранее проблематику. В общем, решение вопросов Любви-Агапе и Страсти-Эроса выведены за скобки культурологического повествования Дени де Ружмона. Иными словами, оно находится по ту сторону Любви и Страсти и, если угодно, Добра и Зла. Исходя из авторского текста, оно достигается *эндурой* катаров. Именно это подразумевал Дени де Ружмон, в чем не осмеливался признаться читателю. Если же мы рассматриваем содержание религиозной эпопеи Дени де Ружмона о Любви и Страсти внутри вышеуказанных скобок, то обнаруживаем здесь лишь философскую поэзию. Но разве поэзия, пускай и метафизическая, приводила к разрешению острых онтологических вопросов? Ответ очевиден: поэзия, как правило, лишь фиксирует и отображает явления. И разве «Илиада» Гомера и «Евгений Онегин» Пушкина дают нам решение насущных проблем бытия, некогда начертанных Платоном, великими греками и людьми эллинистической ойкумены?

С другой стороны, сам поэтический материал, в зависимости от силы своего выражения, способен перековать, перевоспитать на свой лад обратившегося к нему исследователя, что и произошло в случае с Дени де Ружмоном, начавшем писать свое произведение как ортодоксальный протестант и завершавшем уже его как практически откровенный катар. Ключ к пониманию Дени де Ружмона по сути прост: под тремя стадиями духовного развития личности по Кьеркегору (эстетической, этической и религиозной) он подразумевает три степени катарского посвящения: «верующие», «совершенные» и принявшие *consolamentum*. В противном случае, присутствие посылки на Кьеркегора на заключительных страницах книги, по крайней мере, нелогично и, как нам представляется, неуместно. Нельзя же думать, что у такого автора, как Дени де Ружмон, совершенно произвольна возникла в конце фигура Сёрена Кьеркегора. Вот почему все последующее христианство, в основном римско-католическое, автор рассматривает в его сопряжении с жестоко подавленной, но не уничтоженной катарской ересью, будь то новые марианские культы, чему противились «прежние» католики, или исполненные эротизма произведения испанских мистиков. Верно сказано, что духовные недуги не менее заразительны, нежели физические. Теперь неокатарство переживает возрождение во Франции, тогда как Римско-католическая церковь пребывает в упадке... И в этом есть своего рода заслуга Дени де Ружмона, ведь высокая воодушевленная философическая поэзия его текста, однажды поддавшись

«романтизму» катарства, способна не только просвещать, но и вводить в заблуждение. В чем и состоит главный парадокс и в целом тайна незавершенной книги выдающегося швейцарца. До конца творческий процесс, сопрягаемый с порывом вдохновения, не исследован, и не раз бывает, что задуманная намеренная критика явления в подобном подходе, особенно если воодушевлению автора доступны высшие поэтические вибрации, обращается в апологию самого феномена, а дух критицизма переносится на периферийные вещи, нисколько не затрагивая его оснований: именно это и воплотилось в отношении главной книги Дени де Ружмона. Иными словами, вдохновение не удержалось на уровне трезвого критицизма и сорвалось в пучину, где властвует со своей поэтикой манихейский Эрос, и откуда лирика трубадуров до сих пор завораживает, опьяняя, неискушенного читателя. Преодолеет ли такой соблазн Дени де Ружмон? Нам представляется, что нет, поскольку все отчетливее в нем проявляется симпатия к альбигойской ереси и эротической римско-католической мистике, замешанной на ассимилированном и инкорпорированном катарстве. Но ведь последнее немыслимо для протестанта, сына протестантского пастора! То есть самого Дени де Ружмона охватил творческий хаос неизжитых гностико-манихейских ересей Европы, однажды блестяще запечатленный в музыке драматической трагедией Рихарда Вагнера «Тристан и Изольда». Страсть победила, манихейство восторжествовало, а отсюда и смутные аллюзии на стадии Кьеркегора в смятой концовке книги, смысл которых, кажется, нам удалось расшифровать и прояснить.

В связи с этим всю жизнь Дени де Ружмона после 1951 года, когда он расстался со своей женой Симоной, мы можем рассматривать в качестве аскезы катарского «совершенного», поскольку его книга «Любовь и Западный мир» продолжала до самой смерти доветь над творчеством и общественной деятельностью выдающегося швейцарца. Но была и одна тайна у Дени де Ружмона, о чем он не обмолвился ни словом, ни полусловом в своем произведении.

БОСНИЙСКАЯ ЦЕРКОВЬ, ЕВРОСОЮЗ И ПОСЛЕДНЯЯ ТАЙНА ЕВРОПЫ

Будущее Евросоюза весьма определено и недвусмысленно представлено уже упомянутым нами графом Рихардом Куденхове-Калерги (1894-1972) в его знаменательной книге «Практический идеализм» (*Praktischer Idealismus*, 1925), до сих пор непереведенной на русский язык. И ныне мы не перестаем удивляться, насколько в целом точно исполняется проект этого футуролога по формированию нового европейского человека, учитывая миграционные

потоки из исламских и африканских стран в главные государства Западной Европы: Германию, Францию и Англию, хотя последняя фактически и отчалила уже от общеевропейского корабля. Грядущее население Европы наполовину японец граф Куденхове-Калерги видел в смешанной евразийско-негроидной расе, близкой, как ему казалось, по фенотипу к древним египтянам. Дени де Ружмон встречался с замечательным австрийским графом в Америке в годы военной эмиграции и, кажется, вполне разделял отдельные из его воззрений, тем паче предлагал ему издавать его альманах «Пан-Европа» «на правильном французском языке». Можно даже сказать, что это заявление о принципиальной идеологической общности. Однако Куденхове-Калерги не выходил за пределы своих остроумных и оригинальных философем, направленных на кардинальное внешнее преобразование политической, экономической, демографической и конфессиональной реальностей европейских стран; тогда как Дени де Ружмону в своей книге «Любовь и Западный мир» удалось прозреть нечто большее: религиозную составляющую, способную изнутри модифицировать жизнь Европы и уже как будто изменившую ее, открывшую шлюзы Страсти, и если бы не Святая Инквизиция и орден отцов-проповедников... то все могло бы состояться намного раньше? Сожалея о гибели «окситанской цивилизации» к середине XIII-го столетия, Дени де Ружмон не мог не понимать, что христианскому миру того времени нельзя было оставлять у себя в тылу могучий еретический анклав, в то время как в Испании продолжалась кровопролитная Реконкиста, и сарадины все больше теснили государства крестоносцев на Святой Земле.

Дени де Ружмон прекрасно знал, что катары Юга Франции и патарены Севера Италии были прекрасно организованы на общинном и иерархическом уровне и поддерживали отношения как между собой, так и с богомильской Боснийской церковью, официально возникшей во второй половине XII-го столетия, но фактически появившейся раньше, поскольку манихейство в тот период пришло в Западную Европу из Болгарии и с Балкан, а Босния находилась на пересечении путей с Востока на Запад, играя роль своего рода логистического центра. Средневековые боснийские правители из рода Котроманичей (Котромановичей), владевшие страной с 1250 до 1463 гг., поддерживали деятельность Боснийской церкви, хотя формально являлись католиками и православными. Степан Остоя (бан Боснии с 1398 по 1404 и с 1409-1418 гг.) был последним *властелем* страны, открыто исповедовавшим богомильство, то есть при нем оно стало уже и *de jure* государственной религией Боснии. Отношения с исламом у богомилов складывались лояльно, поскольку оба религиозных направления восходят, как считается, к

ересиархам Павлу Самосатскому (200-275) и Арию (256-336) и антитринитарны по своей сути: об отрицании догмата Святой Троицы у катаров и их дуалистическом монизме четко отмечено в книге «Любовь и Западный мир» Дени де Ружмоном. Преемственность от ариан ныне провозглашается на официальном информационном ресурсе неокатарской конфессии Франции.

В настоящее время среди исследователей преобладает представление о том, что Боснийская церковь изначально являлась богомильско-манихейской, хотя ранее считалось, что она основывалась как Римско-католическая церковь кирилло-мефодиевской (даже глаголической) традиции, а затем оказалась зараженной дуалистической ересью, пришедшей из Болгарии. В этом смысле ее можно рассматривать в качестве первой европейской протестантской и антитринитарной церковью, предшественницей социнианского учения! Тем не менее, во второй половине XII-го столетия она уже исповедовала богомильство, о чем свидетельствуют ее глаголические фрагменты апостолов Михановича и Гршковича. Сегодня возникновение манихейских церквей в Европе, в том числе на Балканах, уже сдвигается на век раньше, что справедливо отмечал Дени де Ружмон, то есть на середину и даже первую половину XI-го столетия. В данном контексте Боснийская, а вслед за ней Альбигойская церкви имеют преемство от Болгарской Драговицкой церкви (название от селения на границе Македонии и Фракии), получившей свою доктрину от еретиков-павликиан. Кстати, наследниками богомилов, боснийцев, патаренов и альбигойцев считают себя многие деноминации унитаристов-антитринитариев и евангельских христиан-баптистов, о чем можно узнать, обратившись к их официальной истории.

Здесь уместно напомнить о событии, которое могло бы по-особому высветить и дополнить содержание книги Дени де Ружмона «Любовь и Западный мир». Ключевую роль в становлении альбигойской иерархии сыграл болгарский поп Никита, руководитель Константинопольской богомильской церкви. Поп Никита известен тем, что принял радикальный дуалистическую доктрину *Ordo Drugonthiae* от Драговицкой церкви. В 1165-1177 гг. он предпринимает поездку в Западную Европу для проповеди среди катаров. Обнаружив, что они являются приверженцами умеренного дуализма или *Ordo Bulgaria*, Никита не признает их *консоламентум*. Он заново совершает *консоламентум* «совершенных» и поставление катарских епископов. Пройдя территорией Ломбардии (Северной Италии), Никита прибывает в Лангедок, где в 1167 году проводится катарский собор в замке Сен-Фелиз-де-Караман. Основной целью собрания было получения

консоламентума от «папы» Никиты. В собрании приняли участие: Робер д'Эпернон, епископ Церкви Франции; Сикар Селлерье, епископ Церкви Альби; Марк, епископ Церкви Ломбардии; Бернар Раймон, епископ Церкви Тулузы; Гиро Мерсье, епископ Церкви Каркассона; Раймон де Кальзас, епископ Церкви Валь-д'Аран. Обратившись к Церкви Тулузы, поп Никита заявил, что устройство новой церкви должно быть такое же, как и в Семи церквей Азии, то есть они не должны вмешиваться в дела друг друга. В качестве примера он также перечисляет пять балканских богомильских церквей: Римская (Константинопольская), Драговицкая, Меленгийская, Болгарская и Далматийская. Итак, мы перечислили места и личности, известные по истории обеих ересей: катаров и трубадуров. Что касается Боснийской церкви, то очевидно, что в перечне она проходит как Далматийская.

В то время как манихейство было побеждено на Юге Франции и в Болгарии (где на Балканах борьбу с дуализмом в конце XI-го столетия возглавил сам православный император Алексей Комнин), Боснийская богомильская церковь продолжала беспрепятственно существовать в Боснии и Герцеговине и отчасти на территории Далмации и в приграничье с Черногорией. Она успешно пережила все превратности вплоть до турецкого завоевания в середине XV-го столетия. С этого времени и начался мирный переход боснийских богомилов в ислам, растянувшийся в некоторых районах страны на столетия. Как отмечалось в документах, семья боснийских богомилов по фамилии Хележ, проживавшая в горном селе Дубочаны, являлась последней, кто придерживался «богомильского безумия», и перешла в ислам в 1867 году. То есть по существу в Боснии сменилась манихейская институциональная религия на исламскую институциональную религию.

Известно, что Боснийскую церковь (иногда она называется в документах Славонской церковью) возглавлял «дед», то есть епископ. Богомильское «Баталово Евангелие» от 1392 года содержит имена, которые советский исследователь-славист А. В. Соловьев трактовал как список «дедов» Боснийской церкви. Ниже «деда» иерархически располагались «гости». Основу церкви составляли «крестьяне» – манихейские монахи, образующие общины и придерживающиеся аскетического образа жизни. Совет деда формировался из двенадцати «стройников», а духовенство проживало в «хижах», монастырях, возглавляемых «гостем». Мирянами церкви были представители боснийского дворянства, высших и средних городских и сельских слоев, что отмечает в общем мирный характер перехода правящих сословий Боснии в ислам при турецком владычестве, поскольку последние

сохраняли свои привилегии. В исторической науке нынешнего государства Босния и Герцеговина господствует так называемая «Богомильская концепция», согласно которой утверждается, что богомильство, в корне отличающееся от сербского православия и хорватского католицизма, подготовило почву для добровольного принятия ислама государствообразующим населением Боснийского герцогства: дворянством, чиновничеством, купечеством, городским высшим и средним классом и зажиточным свободным крестьянством. Ныне богомильство повсеместно изучается в Республике Босния и Герцеговина и является одним из столпов идентичности славяно-мусульманской народности страны. В свою очередь богомильство сильно отразилось и на бытовых обычаях боснийского ислама: мужчины-бошняки беспрепятственно употребляют вино и крепкие спиртные напитки, а женщины не носят хиджаб. Некоторые ученые связывают в целом добровольное принятие ислама в Боснии с присутствием среди ее населения сильного готского этнического субстрата, ведь готы исповедовали арианство. В этом отношении Босния родственна с Югом Франции, где в раннем Средневековье существовали княжества вестготов и визиготов, поначалу исповедовавших арианство, а затем население, во многом состоявшее из потомков готов, благосклонно восприняло катарскую манихейскую ересь, пришедшую с Балкан. Кстати, и родовое наименование боснийской княжеской династии Котроманичей, согласно одной из версий, происходит от сочетания слов *Got* и *Roman*, откуда *Готроман* или *Котороман*.

Особо стоит подчеркнуть, что от боснийских богомилов осталось большое количество рельефных надгробий (стечек, босн. *stećci*), датируемых в промежутке от XII до XVI столетий и разбросанных в подавляющем большинстве по территории Боснии, а также Хорватии, Черногории и Сербии, причем в последней они тяготеют к мусульманскому анклаву Санджак, а во втором случае расположены на границе с Боснией. На стечках практически отсутствует форма креста (да и понятно, ведь катарская и богомильская ереси отличались «крестоборчеством»), зато часто изображаются манихейские клирики или миряне в ритуальных позах или с символическим сложением рук. Замечательный боснийский поэт Мехмедалия Мак Диздар (1917-1971), вдохновляемый традиционным исламским мистицизмом, посвятил стечкам своих предков богомилов, пожалуй, лучшую книгу в своем творчестве «Каменный сон» (1966 год). Для Диздара стечки предстают в метафорическом смысле мостом от могилы к звездам. Наверное, недалек тот день, когда откроются документы о пребывании трубадуров или катарских «совершенных» из Прованса и Лангедока при дворах ранних боснийских банов, которые еще более свяжут

между собой две страны готского арианского наследия – Боснию и Юг Франции.

Но почему же Дени де Ружмон совершенно умолчал в своей книге «Любовь и Западный мир» о Боснии, средневековая культура которой еще мало изучена, но, как мы полагаем, судя по потрясающим символическим надгробиям вполне могла бы соперничать с окситанской и тулузской еретической культурой? Дело в том, что Дени де Ружмон расценивал катарскую ересь в качестве крайнего предела Реформации, пусть она и возникла почти за пять веков до самой Реформации. Но если по ту сторону Страсти – Ночь, Хаос и Смерть, пусть они и преображающие, как кажется героям романа «Тристан и Изольда»; то что же находится за гранью Реформации, упершейся в манихейскую ересь, к чему, кстати, пришли и многие секты кальвинистского толка, однажды отказавшись от тринитарного учения, в главном разделяемого основными христианскими деноминациями?.. В этом и заключается последняя тайна Европы, что, как представляется, понимал и Дени де Ружмон. Но стоит ли вглядываться в пространство по ту сторону Реформации, каково оно и какое время ему, возможно, отмерено?.. Дуализм иссякает, разрешаясь в монизме, что, повторимся, блестяще выявляет Дени де Ружмон, для чего отнюдь необязательно быть представителем философии персонализма, коим он являлся.

А теперь обратимся к недавней истории – Боснийской войне 1992-1995 гг., в ходе которой боснийские мусульмане воевали под символикой династии Котроманичей, правившей богомильской Боснией с XIII по XV столетие: шесть золотых лилий на лазоревом щите с правосторонней перевязью. В ту пору «реформированный» в христианском смысле Евросоюз при поддержке США помог Боснии и по сути «Второй Альбигойский Крестовый поход» провалился: сербские и хорватские крестоносцы потерпели неудачу, а на останках бывшей Югославии и на богомильской закваске возникло государство Босния и Герцеговина, ныне состоящее из Мусульмано-хорватской федерации и Республики Сербской. Флаг и герб нынешней Боснии и Герцеговины фактически взяты из символики Евросоюза, созданного Маастрихтским договором от 1992 года, вступившим в силу 1 ноября 1993 года. Интересно, что основой флага для Евросоюза послужило знамя Пан-европейского союза графа Куденхове-Калерги, основанного в 1923 году, правда, с его полотнища удалили красный каролингский крест на золотом фоне, оставив кольцо из двенадцати звезд вокруг него (о «крестоборчестве» нами уже упоминалось немногим выше; кстати, оно повсюду практиковалось альбигойцами, о чем свидетельствует в своей

монографии профессор Н. А. Осокин). Не наводит ли нас на определенные размышления фактическое единство символики Боснии и Герцеговины и Евросоюза? Да и могильный холм на могиле Дени де Ружмона в Женеве в стиле антитринитария Льва Толстого напоминает нам скорее об упокоении посвященного или катарского «совершенного», нежели сына протестантского пастора (в его случае простой холм, поросший кустарником, может являться аллегорией последнего пристанища катаров – замка Монсегюр, возведенного по указанию катарского духовенства на крутой горе сеньором Раймоном де Перейлем, вассалом графа де Фуа, куда в 1232 году переместился центр Катарской церкви, и взятого крестоносцами после 11-месячной осады весной 1244 года под предводительством королевского сенешаля Каркассона Гуго дез Арси и римско-католического епископа Нарбонна Петра Амьеля). И мы понимаем, что его книга «Любовь и Западный мир» предстает больше сокровенной летописью еретической страсти, нежели христианизированной любви, никогда не умиравшего Эроса, воплощавшегося в разнообразных сообществах и формах, – от «хиж» богомилов, катарских собраний и до кораблей хлыстов и радений молокан и духоборов. У них повсюду один и тот же этос, один и тот же порыв, за которым *эндура* Страсти, а за ней – Ночь, Хаос и Смерть, которые, вероятно, стали преображающими для «совершенного» Дени де Ружмона.

Впрочем, выдающийся швейцарец, сторонник вместе с Александром Марком европейского интегрального федерализма, заглянул и по ту сторону Реформации, увидев там отнюдь не расцвет либерализма и толерантности, но... грядущий евро-ислам, чем некогда уже завершилась Боснийская церковь с боснийской государственностью, став неким прообразом и примером на столетия вперед. Воодушевленная и захватывающая поэтизация ереси в итоге призывает к замещению иную религию, что, как представляется, прекрасно понимал автор знаковой и даже судьбоносной книги «Любовь и Западный мир». Ведь благородным людям очень сложно бывает отказываться от своих ошибочных заблуждений, которые некогда и надолго трансформировали их мировоззрение. Воистину сказано Фридрихом Ницше: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя» (*«По ту сторону добра и зла»*). Что, на наш взгляд, в действительности и произошло с всемирно известным философом, писателем и публицистом из Невшателя. Вот почему на могиле Дени де Ружмона на Кладбище Королей в Женеве нет креста!..

Герб Боснии и Герцеговины

Флаг Боснии и Герцеговины

Герб династии боснийских банов
Котроманичей

Флаг Пан-европейского союза графа
Куденхове-Калерги

Могила Дени де Ружмона на Кладбище Королей в Женеве

О ЕРЕСЯХ, КАК СВОЕОБРАЗНЫХ ВИРУСАХ

Отзыв Дмитрия Цесельчука на статью Владимира Анатольевича Ткаченко-Гильдебрандта «ДЕНИ ДЕ РУЖМОН. КНИГА ВЕЛИЧИНОЙ В ЖИЗНЬ».

Человек – подобие Божие. Во всем. В том числе – в Его триединстве.

Один из самых знаменитых психоаналитиков XX века Эрик Бёрн назвал триединую «модель» психики человека РВД – Родитель – Взрослый – Дитя (Ребенок). Родитель может быть архаичным, запретительным e.t.c. Хотя на него и возложена функция выживания, он не успевает за быстроменяющимся миром и, как это ни печально, на него не снизойдет Дух Святой – первопричина всякого просветления (исцеления). Только в состоянии Взрослого человек может сделать шаги к своему просветлению (исцелению) при трезвом уме, в здоровой памяти и с сердечным жаром, способным растопить лед сомнений, преодолеть «родовое проклятие» и т.п. По Бёрну Ребенок каждого человека* может быть искренним, незамутненным, действующим без оглядки на Физического и Психологического Родителя, или, наоборот, – раболепным, прислушивающимся ко всякому окрику и понуканию. Понятно, что только через Первую составляющую своей личности мы можем увести себя от недуга. А пробуждается Она от молитвы, донесенной до Божественного Адресата. Свидетельством получения послания является состояние Взрослого, возникающее в человеке, вошедшим в прямой контакт с Богом Отцом и испросившим у него сошествие Святого Духа в земную плоть.

Такова стратегия главного шага к просветлению (исцелению), без которого все остальные попросту бесплодны. А о тактике вы можете узнать, внимательно прочитав [интервью](#), опубликованное в одном из альманахов «Словесность», где вопросы задает член Союза литераторов России Андрей Сигутин, а проверенные на практике ответы дает игумен Евмений.

Представление о ересь, как о своеобразных вирусах, позволяет нам говорить о предшествующем исцелению просветлении психосоматики человека. Термин просветленный часто употребляемый в дзэне, пожалуй, плотнее всего покрывает эту особую метафизическую ясность самосозерцания (когда видишь вещи такими, как они есть). Автор Статьи о «Книге величиной в жизнь», опираясь на вирусную природу разномастных ересей, утверждает, что вне человеческой плоти, подобно вирусу, ересь, сама по себе, перестает существовать. Нет человека – нет и проблем. Но это мы уже проходили, как и на нашей Родине, так и в Кампучии, и в ряде африканских стран, а теперь и в самих США, где мирно захвативших Капитолий демонстрантов будут стараниями Байдена называть «внутренними террористами». От этого изобретения до признания существования в России «государственного терроризма» остался один шаг, а там уж забивай кого ни попадя мотыгами,

как тараканов. В самих США – таких «тараканов» без малого 75 000 000.

И ни одного безоружного, готового за так отдать свою жизнь. Но вернемся к названию: Книга величиной в жизнь. Никакой вялой длинной тут и не пахнет.

Именно – величина лежит, как камень преткновения, поперёк книги – жизнь прожитая на полном серьёзе в борьбе с ересью неожиданно привела к абсолютно еретическому захоронению Дени де Ружмона без какого-либо изображения креста на его могиле. К такому неожиданному выводу приходит исследователь творчества Дени де Ружмона Владимир Анатольевич Ткаченко-Гильдебрандт. И мы, внимательные читатели,

скованные цепью его убедительных доказательств, вместе с ним. Я, скованный одной цепью с Автором Статьи, хотел бы подтвердить прилюдно, что на высоких, почти по пояс, мусульманских могилах кладбища Софи-Хомид в Азербайджане нет ни одного креста в изображенных на них орнаментах, в крайнем случае – швейная машинка – на могиле портного, или пара сапог – на погребении сапожника. Любопытно, что у одного из прародителей Евросоюза Дени де Ружмона могила оказалась ближе к мусульмано-христианской стилистике боснийских захоронений, что я воспринимаю, как факт его полного самопоглощения перипетиями истории Мягкого подбрюшья Европы, откуда началась для всех нас I Мировая Война, перетекшая во Вторую, Холодную, а теперь уж и Гибридную с бесплатным коронавирусным приложением в придачу. Потенциальным государствам-террористам, по представлению «властителей мира» нет места на нашей, небольшой, по вселенским масштабам планете. Но из её Вселенской истории не стереть уже имён Александра Пушкина и Сьёрена Керкегора, ни Нобелевской речи Иосифа Бродского, в которой он провозгласил видовой целью существования человечества – поэзию, о каковую и споткнулся в своих антиеретических дерзаниях Дени де Ружмон, а знаток его творчества Владимир Ткаченко-Гильдебрандт убедился в его неистребимой тяге к поэзии, тех же еретиков-вагантов, и, вообще к поэзии, как таковой, к поэзии в понимании Бродского – видовой цели существования человечества. А нефтедобыча, а Северный поток 2, разве это не главное каких-то там строчек из «Тристана и Изольды»? или «Евгения Онегина»? Не главное.

Хочется завершить своё короткое повествование строчками из средневековых бардов вагантов в переводе Льва Гинзбурга, Ну, а Музыка Давида Тухманова придёт к вам сама:

Во французской стороне,
На чужой планете
Предстоит учиться мне
В университете...

...если не сведут с ума
Римляне и греки,
Сочинившие тома
Для библиотеки.

Тихо плещется вода –
Голубая лента.
Вспоминайте иногда
Вашего студента.

Такая вот коротенькая жизнь получается величиной в песенку.

**– после случая, произошедшего со мной в Лондонском университете летом 1991 года (см. www.literator.moscow, раздел Регионы/Москва/секция Критики, искусствознания и лексикографии/ Литературное творчество и наука. Пересечения (стр. 9) я хотел было написать личности, но оставил-таки человека. Ибо человек звучит гордо и бёрновскую модель триединства человека задолго до Эрика Бёрна предложил всем нам Иисус Христос, а великий психотерапевт лишь перекодировал очевидное для богочеловека положение вещей в нашем человеческом мире.*